

Итак, фактически я стал женщиной, — впервые сосал мужской член. К тому же, стал ещё и лесбиянкой: мало того, что открылся во всё маме, но и лизал её влагалище. Оставалась одна помеха — моя жена. Всё-таки я был официально зарегистрирован в браке и по паспорту числился мужчиной. Хотя давно уже не выполнял своих прямых супружеских обязанностей и знал, что жена мне почти в открытую изменяет. Спали мы с ней последнее время врозь.

Я понимал, что должен всерьёз поговорить о наших отношениях с женой и расставить наконец-то всё точки над «и», но всё не решался. Разговор неожиданно начала сама супруга: — Александр, где мои чёрные стринги и новые белые колготки? — строгим голосом спросила она, перерывая всё полки в бельевом отделении шкафа мебельной стенки.

Я понял, что лучшего повода для решительного объяснения не найти, и с дрожью в голосе признался:

— Они у меня, Вероника. Я их постирал и забыл в ванной у мамы. Я завтра обязательно принесу.

Жена опешила. Ей показалось, что она ослышалась.

— Что ты сказал? Они у тебя? Что это значит? У какой мамы? Кто постирал?..

Я вздохнул и принялся объяснять:

— Понимаешь ли, Верочка, я давно надеваю твоё бельё, ты просто не знаешь. Мне это очень нравится. В нём я чувствую себя настоящей женщиной, потому что всегда хотел ею быть. Но не мальчиком... Позавчера, когда ты была в ночной смене, я впервые оделся женщиной и пошёл в твоих вещах в кино на эротический фильм. Там ко мне пристал выпивший парень, угостил баночным пивом, а когда погас свет, полез под юбку. Мне ничего не оставалось делать, как сказать, что у меня месячные. Тогда он вытащил член и заставил меня его отсосать. Я впервые в жизни взял в рот чужой член и довёл парня до оргазма. Когда он кончил в мой рот, я тоже потёк и выпачкал твои трусики и новые колготки. Они все слиплись от спермы. Я ушёл из кинозала, но гулять мокрой было неприятно, и я зашёл к маме, чтобы подмыться...

— Развратник, грязный хуесос! Маньяк! Педик! — не дослушав, закричала от ярости Вероника и, накинувшись на меня, принялась жестоко, с наслаждением бить ладонями по лицу.

Я в ужасе от неё отшатнулся, закрыл лицо ладонями, чувствуя, как из разбитой губы и носа густо течёт кровь. Упал перед женой на колени. Вероника стала с силой трепать меня за волосы, вырывая целые клоchy. Повалила на пол, и стала бить ногами куда попало. Я закричал от боли и стал умолять, чтобы она прекратила. Мне всегда становится страшно, когда меня бьют, особенно как сейчас, ногами — лежащего.

— Вера, не бей! Умоляю! Я больше не буду! — кричал я, размазывая кровь по лицу, и пыталась ухватить руками её ускользающую ногу и поцеловать разбитыми губами.

Разъярённая Вероника, не слушая меня, продолжала наносить удары обеими ногами, обутыми в тапочки, и попала несколько раз по лицу. В ней, видимо, проснулась в этот момент внутренняя садистка, и она получала сексуальное удовольствие от того, что унижала и била меня. Но самое удивительное, что мне тоже было хорошо от того, что меня лупит ногами женщина, моя собственная жена. У меня даже поднялся и стал заметно твердеть член. Меня

сильно возбуждало всё это, и я по мазохистски стойко терпел экзекуцию и унижения. Наряду с болью, я начинал испытывать и острое, непередаваемое наслаждение.

Я изловчился и, лёжа, не поднимаясь с пола, поймал наконец её ногу. Крепко обхватив руками, чтобы не вырвалась, я стал жадно целовать её лодыжку, поднимаясь выше.

— Пусти, козёл, — брезгливо вскрикнула жена и ударила меня ладонью по щеке, но я продолжал облизывать её ногу, оставляя кровавые пятна.

Облобызав старательно ляжку, я привстал с пола и быстро нырнул головой ей под юбку. Мне в ноздри тут же ударил дурманящий, специфический запах женских гениталий. Я быстро оттянул с лобка белый кружевной треугольник Вериных трусиков и припал ртом к её мягкой, заметно повлажневшей уже пизде. Я лизал у неё не раз. Но раньше я это делал как мужчина, законный муж, а сейчас, как избитая ею девушка, стоя перед ней на коленях. Это усиливало удовольствие во много раз. Чувствуя язычком горьковато-приторный вкус её смазки, я стал торопливо, чтобы побыстрее доставить ей удовольствие, вылизывать её большие наружные половые губы и начинавший набухать, как крупная почка, клитор. Раздвинув пальцами налившиеся от желания складки её пизды, оттянул их как можно дальше в разные стороны, проник языком и губами к малым складкам влагалища, за которыми было отверстие. В него вставляли свои торчащие члены незнакомые мужики, когда ебали мою супругу. Думая об этом и наглядно всё представляя, я получал ещё больше удовольствия. То, что запросто проделывали последнее время другие, мне было строго настрого запрещено: мне можно было только вылизывать это святое место своим языком и даже не помышлять о том, чтобы засунуть в него свой вставший уже хуй.

Вере стало хорошо, и она заметно расслабилась.

— Подожди, пиздолиз, я сниму юбку и трусики, — сказала она, отстраняясь от меня.

Брезгливо посмотрела на моё разбитое в кровь лицо. — Умойся пойдёшь в ванную, противно смотреть...

Я покорно сходил, куда она велела, быстро разделся и встал под тёплый душ. Я ещё не кончил и член мой продолжал остро стоять, в паху сладко ныло, голова кружилась от побоев. Я осознавал, что уже перестал быть полноценным мужчиной, потому что полностью отдался во власть Веры, и уже никогда не вернусь к прежнему состоянию. Сейчас я в душе боялся, что она продолжит меня бить, и в то же время сильно хотел этого. Потому что побои и подчинение доставляли мне глубокое удовольствие. Я, видимо, действительно был мазохист.

Когда я, умытый и чистый, без одежды вернулся в комнату, Вера — тоже обнажённая — лежала в постели, широко раздвинув в стороны свои красивые, точёные ножки. Я подошёл к кровати и боязливо остановился рядом, не зная, что делать. Вид раскрытой пизды моей строгой, любимой жены поверг меня в трепет. Раньше я бы без всяких слов, элементарно лёг на неё сверху и отымел как хотел, не спрашивая и не интересуясь, хочет ли этого она и что вообще она от меня хочет. Но теперь было другое, и я робко попросил:

— Вера, можно мне её полизать?

— Ишь чего захотел, пидор! — властно ответила Вера и строго, как повелительница, глянула мне в глаза. — Ты уже имел это удовольствие только что, хватит. Я этого больше не хочу.

— А что ты хочешь? — с дрожью в голосе спросил я, радуясь в душе новой для себя роли униженного раба.

— Оближи мне пальцы ног, — потребовала она.

Я тут же упал к её божественным ножкам и с удовольствием проделал всё, что она повелела.

Я сосал её пальчики самозабвенно, прикрыв от удовольствия глаза. Вера постанывала от удовольствия. Я тоже блаженствовал от острого кайфа. Жена подставляла мне то левую, то правую свою ножку, а я целовал пальчики, — каждый в отдельности, — лодыжку, пробегал языком и губами до коленки. Потом брал в рот всю переднюю часть стопы со всеми пальцами, сосал её, облизывал языком. Член мой стоял, прижавшись головкой к животу, и я боялся до него дотрагиваться, чтобы не кончить раньше времени.

— Хорошо, хуесос, — похвалила Вера, вытащила свою ножку у меня изо рта, слегка ударила ею меня по лицу, так что я невольно отшатнулся. — А теперь отнеси меня на руках в туалет, я хочу писать. Только не лапай, пидор! Иначе я тебя свяжу бельевой верёвкой и буду бить ремнём по голой жопе, пока ты не уссышься и не обгадишься!

Я с трепетом взял бывшую свою жену на руки и осторожно понёс в туалет. Поставил её там на кафельный пол.

— Ложись! — приказала Вера.

Я беспрекословно подчинился и лёг на спину возле её ног, преданно и покорно смотря в её сузившиеся от возбуждения, красивые карие глаза повелительницы. Я уже знал, что она будет сейчас делать и внутренне ликовал. Вера присела над моим лицом.

— Раскрой рот, козёл, — потребовала она.

Я так и сделал и внутренне напрягся, ожидая её струи. Глазам моим предстала её маленькая, раскрывшаяся, как раковина, пизда с красной, волнующей воображение, повлажневшей мякотью внутри.

— Не смотри, — сказала Вера. Ей, по-видимому, стало стыдно, и она никак не могла сделать то, что хотела.

Я закрыл глаза, а рот ещё больше расширил, но она всё не писала. Член у меня стоял почти вертикально, и Вера вдруг взяла его в руку. Я ойкнул от неожиданности и вздрогнул всем телом. Вера помассировала кожицу на головке вверх вниз, крепко сжала пальцами ствол. Я сладостно простонал.

— Что, хорошо, педик? — спросила с улыбкой она, продолжая сидеть над моим лицом.

— Да, — коротко сказал я.

Она участила темп и стала дрочить мой член, возбуждаясь от этого и сама. Я застонал, задёргался ещё сильнее, чувствуя неудержимое приближение оргазма. Вера тоже возбудилась не на шутку, и наконец-то из её влагалища потекло. Мощная, горячая струя золотого дождя ударила в мой открытый рот и наполнила его до краёв. Моча полилась по моему лицу, я вскрикнул от удовольствия, совпавшего с наиболее сильным движением её руки на моём члене. Неописуемый, фантастический кайф помутил моё сознание, я корчился на полу, в луже её мочи, в экстазе, из головки члена выплёскивалась сперма, обливая Верину руку. Она продолжала мочиться на моё лицо, правой рукой дроча мой член, а левой теребя свой маленький, набухший кровью клитор. Мы стонали и корчились в эротических конвульсиях на полу, я — на полу, лёжа под ней, она — сверху.

Выжав из влагалища всю влагу до капельки, она села попой на моё лицо и стала по нему ёрзать промежностью и анусом. От этого ей сделалось так хорошо, что она со страстью закричала и с силой сжала пальчиками свои небольшие, отвислые груди. Мне было трудно дышать, потому что она зажимала попой не только мой рот, но и нос. Я почти задохнулся, но боялся ей сказать об этом, чтобы лишний раз не сердить, а стойчески терпел эту сладкую пытку. Влагалище её было уже всё мокро от смазки, и она вот-вот должна была кончить. Темп

её движений стал бешеный. Она вновь закричала и ещё сильнее впиалась острыми ногтями в свои белые груди, оставляя на них красные пятна. Всё моё лицо было мокро от её мочи и выделений, я глухо стонал и пытался языком помогать ей, вылизывая внутренности раскрытого настежь влагалища и анус.

Наконец Вера достигла наивысшей точки наслаждения, задёргалась, как парализованная, от оргазма, повалилась лицом и грудью на мои ноги, стала их целовать, не соображая, что делает. Я в это время сосал дырочку её ануса, пытаясь протолкнуть туда свой язык, чтоб доставить бывшей жене ещё большее удовольствие. При этом я стонал и елозил всем телом по мокрому от её мочи полу, мям пальцами её мягкую попу и даже осмелился дотронуться пальцами до её влагалища. Оно было очень горячим. Я просунул внутрь палец и стал трахать им Веру, от чего она буквально взорвалась громкими криками и стонами. Стенки её влагалища конвульсивно сжимались и разжимались, ногами она крепко обхватила мою голову, пружинисто вытянула их, продолжая при этом извиваться всем телом и нечленораздельно кричать. Она была в глубоком экстазе. И кончала дольше, чем я. Но это специфика женского организма. Женщины труднее «заводятся», зато потом долго не останавливаются, когда у мужчины уже всё обмякло, и он насытился. Так было и в этот раз